

Черный пасодобль

Автор:

Анна Данилова

Черный пасодобль

Анна Васильевна Данилова

Марк Садовников #12

Испанский пасодобль – танец страсти, перевод на язык движений сложной музыки любви и ненависти, которая связала тореро с его жертвой. Кто же из них настоящий матадор – следователь, расследующий дело об убитой в Болгарии русской туристки, его жена, сыщик-любитель, или красавица Зоя, готовая манипулировать и следователем, и сыщицей? Между триумфом и гибелью у каждого из них, в настоящем пасодобле, всего один шаг...

Анна Данилова

Черный пасодобль

© Дубчак А.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Большая белая птица, взмахнув широкими мощными крыльями, плавно опустилась на теплую гладь тихого озера, оглянулась, нервно двинув маленькой красивой головкой, и, увидев что-то непонятное близко от себя, в прибрежной топи тростниковых зарослей, зашипела. Четкий подбровный черный рисунок, украшавший оранжевый блестящий клюв, мог бы показаться траурным, тем более что картина, открывшаяся на Серебряном озере молодому лебедю, и впрямь была трагической.

Лебедь-шипун медленно, встревоженно оглядываясь, двинулся к двум неподвижным, неестественно притихшим большим птицам. Лебедь был молод и не знал, что этих птиц называют людьми, что у них нет крыльев и они не умеют летать. Но он хорошо знал, что они не обитают в озере, что их можно увидеть лишь на берегу и что они будто бы слетаются сюда из разных далеких стран для того, чтобы с помощью специальных приспособлений, если верить пеликанам, называемых биноклями, полюбоваться на гнездящихся на озере птиц. Пеликаны, к примеру, считают, что такой нездоровый интерес чужаков к озеру вызван исключительно их присутствием...

Послышались голоса и шорох кустов, с поросшей травой кочки на замершего возле берега лебедя смотрел сияющими глазами маленький мальчуган в шортах и клетчатой рубашке. Его мать, нахмутив брови, с ужасом смотрела, как ее сын балансирует на этой кочке – того и гляди поскользнется и скатится на заболоченный берег.

– Мамо, виж, лебед! Какво красиво!

Он восторгался лебедем и тем, что находится совсем близко от этой красивой сказочной птицы. Рука его потянулась в карман, он достал свой телефон, чтобы сфотографировать птицу, как вдруг его быстрый взгляд скользнул чуть в сторону, и он увидел в густых зарослях тростника лежащих лицами вниз двух людей – мужчину и женщину. Светлые их одежды пропитались коричневым соком болота.

– О, какво е това? Защо те са тук? – Голос мальчика задрожал. Рука же его, машинально щелкнув кнопкой телефона, запечатлела картину.

– Тихо, синко, не му крещиш... – его мать, молодая женщина в розовом платье и с корзинкой с бутербродами в руке, сделала шаг в ту сторону, куда смотрел ее сын. Лицо ее побледнело: – Боже мой, те също са мъртви! Огюн, моля да изчезнат по-бързо... Боже мой, колко ужасно...

– Мамо, вие се обади в полицията?

– Разбира се.

Они быстро, обдираясь о густые кусты шиповника и акации, выбрались наверх, на желтую, мягкую дорогу, ведущую к Дунаю, и мать, забыв о том, что пообещала сыну позвонить в полицию, побежала в сторону деревни.

2

Марк Садовников допивал кофе, когда его жена, Маргарита, известная художница, поменяв воду в вазе с розами, уселась перед ним и с виноватым видом сообщила о том, что через полчаса к ней придет очередная жертва-натурщица, танцовщица по имени Зоя. Понятное дело, что никакой особой вины она перед мужем не чувствовала, разве что понимала, что в который уже раз неосознанно причиняет ему боль. Марк работал следователем в следственном комитете при прокуратуре, а потому, в силу своей профессии, связанной с преступниками, практически в каждом чужом человеке видел своего, как он выражался, клиента.

– Рита, мы же с тобой договаривались... – расстроенный, он отодвинул чашку от себя. – Договаривались, что ты не станешь приводить в наш дом посторонних. Эта... Зоя... Ты же, как я понимаю, подобрала ее с улицы?

– Точно. С улицы. Ты же знаешь, как увижу интересное лицо, так руки прямо-таки чешутся, чтобы написать портрет. К тому же хватит уже писать натюрморты!

– Но у тебя божественные натюрморты. Твои работы нарасхват. Только в прошлом месяце у тебя купили три натюрморта, причем сама знаешь, кто и за

сколько... Ты – признанный мастер...

– Марк, пожалуйста, не надо. Ты все отлично понимаешь. Я должна развиваться, я чувствую в себе эту потребность. Это моя жизнь наконец.

– Но есть же профессиональные натурщицы или... натурщики... – здесь он вздохнул с видом ревнивого мужа. – К тому же ты могла бы пригласить позировать тебе каких-нибудь знакомых, то есть людей, которых не страшно впустить в дом.

– Да это же обыкновенная девушка, танцовщица.

– И где она танцует?

– Честно говоря, я не спросила, – невольно солгала она, не желая раньше времени травмировать Марка.

– Балерина, что ли?

– Нет. Кажется, она работает в ресторане... – вот теперь она сказала чистую правду.

– Рита!

– Ну не всем же танцевать в балете! Марк, у всех по-разному складывается жизнь, возможно, у нее была травма и она бросила балет... И вообще, почему ты считаешь, что балеринам можно доверять, а тем, кто танцует в ресторане, в варьете, нельзя?! Это очень организованный и трудолюбивый народ, пашут с утра до ночи... Им же постоянно приходится поддерживать форму.

– Где ты ее нашла?

– Говорю же – на улице. Мы гуляли с Фабиолой в парке, смотрю, идет девушка, фигурка точеная, платье развевается, лицо – одухотворенное, она настоящая красавица. Я, представь себе, даже окликнула ее, чтобы только не упустить из виду, не потерять. Она – настоящая находка!

– Рита, ты что, пристаешь к людям прямо на улице?!

– Да, я такая. Как будто сам не знаешь. Все так и было, я подошла к ней, представилась и сказала, что хотела бы написать ее портрет. Отдала ей свою визитку и сказала, что, если у нее появятся какие-нибудь сомнения на мой счет, ну, мало ли, ведь и она вправе не доверять мне... Словом, я сказала ей, что она может зайти на мой сайт и сама удостовериться, что я – это я, что я неопасна и что мне на самом деле можно доверять.

– И что, она сразу согласилась?

– Она куда-то спешила, да у нее на лице было написано, что она чем-то озабочена... Нет, она не сразу согласилась, думаю, что она все-таки последовала моему совету и заглянула на мой сайт. Как бы то ни было, но она перезвонила мне, и мы договорились о встрече. Ты не забывай, Марк, что, помимо того, что я отвлекаю людей от их повседневной жизни и как бы рушу их планы в некотором роде, я плачу им, и плачу неплохие деньги. А деньги никогда, ты знаешь, не бывают лишними. К тому же заметь, это не она окликнула меня, а я – ее. И это мне нужно, чтобы она пришла ко мне. Поэтому, прошу тебя, Марк, успокойся, не думай ни о чем плохом.

– Как не думать, Рита, когда я точно знаю о существовании людей, которые мечтают расправиться со мной! И это неглупые люди, они понимают, что самое уязвимое мое место – это моя семья, ты и Фабиола.

– Знаешь что, Марк, давай не будем продолжать эту тему. Ты сам выбрал эту работу, эту профессию, тебе интересно этим заниматься, и ты делаешь это не ради денег. Мы бы давно уже могли покончить с твоей карьерой, уехав куда-нибудь в Италию или Испанию, как я тебе предлагала... Могу напомнить: Коста-Дорада, вилла с видом на бухту... Я бы и там прекрасно работала, писала бы свои натюрморты, да и ты тоже нашел бы себе занятие по вкусу... Так нет, тебя хлебом не корми, дай поохотиться за преступниками. И что в конечном счете? Ты в каждом человеке видишь убийцу, вора или насильника. И меня ограничиваешь, хотя мы договаривались с тобой... Помнишь, Марк, или ты уже все забыл?

– Нет, не забыл.

– Брак – это не тюрьма, а потому ни один человек не имеет права держать меня на привязи, даже ты... Тем более мне нельзя запрещать заниматься любимым делом.

– Рита, мне начинает надоедать этот разговор... Я все отлично помню и понимаю тебя, но и ты тоже должна...

Он не успел договорить, раздался звонок в дверь. Рита, смахнув слезы досады (она уже давно поняла, что они с Марком никогда не договорятся на эту тему), пошла открывать. Марк, тоже расстроенный разговором, вышел следом за Ритой – он уже опаздывал на работу. Сейчас он увидит ту, из-за которой и произошел весь этот разговор с тягостными для него напоминаниями, связанными с данными им обещаниями не препятствовать Рите перемещению в пространстве, не говоря уже о свободе общения. Это было одним из важных условий, которые он вынужденно принял, уговаривая ее выйти за него замуж. Он понимал, что Рита – человек неординарный, что она живет в каком-то своем мире, что она талантлива и что, помимо семьи, в ее жизни есть еще творчество, то, чем она живет и горит, что придает ей сил и одновременно лишает ее этих сил. Но жаль, очень жаль, что его стремление предостеречь ее, обезопасить она воспринимает со свойственным ей бунтарством, подозревая его в желании ограничить ее личную свободу или территорию.

– Проходите, Зоя.

Рита впустила в переднюю высокую молодую женщину, словно сошедшую с полотна Ренуара. Бело-розовая кожа, медного цвета волосы, закрученные на затылке в тугий узел с выпавшим из него золотистым локоном. Черные глаза, пунцовые губы. Плотная голубая блузка с откровенным декольте, позволявшим любоваться на ее полную белую грудь, и это при тонкой талии, стройных бедрах, обтянутых шелковой серой юбкой.

Да, на самом деле не каждый день встретишь на улице города среди толпы разряженных в штаны и майки растрепанных девушек такую по-настоящему красивую, породистую женщину.

«Да у нее даже уши красивые и маленькие», – подумал он, машинально здороваясь за руку с гостьей и вдыхая аромат ее духов.

– Очень приятно, – проговорил он и, клюнув Риту в щеку, вышел из дома. Спустился, сел в машину и поехал в прокуратуру.

Рита же, заполучив себе красавицу, нисколько не смущаясь, сразу же повела ее в свою мастерскую, расположенную этажом ниже.

– Спасибо вам, Зоя, что вы согласились прийти ко мне. Возможно, вы удивлены тем, что я вот так запросто пригласила вас, может быть, даже ошарашила... Но знаете, – весело, уже оправившись от волнения, связанного с разговором с мужем, щебетала Рита, драпируя кресло для натурщицы розовым бархатом, – иногда я представляю себе, что я рыбак. Да-да, рыбак, не удивляйтесь! Весь мир вокруг меня, как большое цветное море с лицами, людьми, цветами, небом, водой... И я вдруг нахожу в нем что-то необыкновенное, красивое, достойное внимания, и понимаю, что это природа распорядилась так, чтобы это именно вас я увидела и оценила, схватила и притащила сюда, в мастерскую... Еще немного, и вы заживете уже другой жизнью, на холсте ли, бумаге, картоне... Это ничего, что я так много говорю? Знаете, я тут немного одичала. Последнее время много работала, вот, пожалуйста, пока я отлучусь ненадолго, вы можете посмотреть альбом с репродукциями моих работ. Или каталоги моих выставок в Германии, Франции... И вы поймете, почему я пригласила вас... Я еще не сильна в портретах, мне не всегда удается достичь сходства... Уф... Устала говорить. Даже горло заболело. Знаете...

Она говорила это уже на лестнице, поднимаясь в кухню, чтобы сварить кофе гостю, но голос ее продолжал звенеть так, словно она находилась рядом – перемещаясь постоянно с одного этажа на другой, ее голос будто сам, автоматически научился увеличивать или уменьшать силу звука.

– Знаете, у меня есть дочка, Фабиола, но мне кажется, что она больше любит свою бабушку, мою маму, нежели меня... Они с ней постоянно вместе... А я тут одна, работаю... Давно ни с кем не говорила. Разве что с мужем, с Марком, но и он у меня редко бывает дома, приходит поздно, уставший, я его кормлю... Вот...

Она вернулась с подносом и поставила его на мраморный столик, рядом с вазой с гортензиями.

– Вот, кофе. Боже, Зоя, что с вашим лицом?

Она только что заметила, что ее гостя все то время, что находилась в доме, молчала, не издала ни одного звука. А глаза ее между тем наполнились слезами.

– Зоя, ау! Что с вами? Вам плохо? Может, жарко?

Зоя провела рукой по лбу, покачала головой.

– Вы извините меня... Я хоть и пришла, но вряд ли смогу позировать вам. Мне нездоровится... Правда. Извините, что так все получилось...

У нее был глубокий голос. Молодой и вместе с тем сильный, богатый.

– Вы случайно не оперная певица? – сорвалось с языка Риты. – У вас потрясающий голос. А ведь вы произнесли всего несколько слов. Можно себе представить, как он зазвучит, если над ним поработать! Господи, чего я несу? Вам плохо, а я тут... Извините. Может, вам вызвать врача?

– Да нет... Это просто нервное.

– Вы садитесь вот сюда, в кресло, и расслабьтесь. Сидите естественно, словно никто и не собирается вас рисовать. А я сделаю несколько набросков углем, привыкну к вашему лицу... Итак? Что случилось, Зоя?

– Я, как вы и сказали, зашла на ваш сайт. Была потрясена, увидев ваши работы. У вас поистине чудесные акварели... Не знаю почему, но акварель нравится мне больше, чем масло или пастель... Думаю, это из-за прозрачности... Но сейчас не об этом. Ладно, чего уж там, скажу всю правду. Когда я поняла, кто вы, то сразу позвонила одному своему знакомому, он тоже художник, преподает в художественном училище... Просто захотелось узнать, знакомы ли вы. Оказалось, что нет, и это неудивительно... Но он так восторженно отозвался о

вас, о ваших работах... А потом сказал, чтобы я была... как бы это выразиться... поаккуратнее, что ли... нет, поосторожнее. Он сказал это в шутку. Ну, просто по-дружески намекнул, что вы – жена прокурорского работника. Следователя. И тогда я поняла, что это судьба.

– В смысле?

– В том смысле, что это вы сами окликнули меня тогда... И что я теперь здесь. Дело в том, что мне очень, очень надо с кем-нибудь поделиться, и пусть это будет ваш муж, следователь прокуратуры. Мне почему-то думается, что, являясь вашим мужем, он не может иметь отношения ко всему тому, что произошло с моим Андреем, что он не такой, что его нельзя купить, что ему не очень-то нужны все эти погоны... Господи, что я такое говорю?

Зоя опустила голову, закрыв лицо ладонями.

– Понятно. С вашим парнем беда, – поняла Рита. – Знаете, сколько таких историй я уже слышала! Полно! Обещаю, что если мы с мужем сможем вам хоть в чем-то помочь, то я с радостью...

Разговаривая, Рита шуршала маленьким угольком по шероховатой бумаге, взгляд ее мгновенно перемещался с лица Зои на рисунок. Уже очень скоро разрозненные, казалось бы, линии слились в одно целое, и это было волшебство! – с бумаги на нее смотрели грустные глаза натурщицы...

– Его обвинили в убийстве человека, причем человека, с которым он не был знаком, которого он никогда не видел вообще!!! Того человека избили до смерти. Ну просто забили, не знаю, чем... Ногами, руками, может, еще чем... Он умер до того, как его привезли в больницу. И в тот момент, когда его избивали, мой Андрей был у меня! Да и драка эта была вообще на другом конце города! Он физически не мог находиться в это время на той улице.

– Кто еще мог бы подтвердить его алиби?

– Соседка! К счастью, она как раз выходила выносить мусор, а Андрей в это время возвращался из магазина, я посылала его за молоком... Это было поздно

вечером, как раз в это время убивали того мужчину...

- И что, какие существуют доказательства его вины?

- На месте преступления нашли разбитые очки Андрея и вроде бы его куртку, - расстроенным голосом произнесла Зоя. - Но на самом деле куртка не его, не его, я-то знаю!

- А очки?

- Странное дело, но очки действительно принадлежат ему. Правда, Андрей успел мне сказать, что эти очки он давно не носит, что они старые и валялись у него в ящике письменного стола.

- То есть думаете, что их подбросили?

- Ну конечно!

- Где Андрей? Что с ним?

- Он в СИЗО! Знаете, так все быстро произошло! Раз - и дело в шляпе! Обычно дела тянутся долго, а тут такая спешка...

- Кто ведет дело?

- Владимир Викторович Соснов. Но дело передали уже в суд!

- Действительно, невероятно быстро! Соснов... Не знаю такого, но Марк наверняка с ним знаком. И что, вот так, не разобравшись, взяли и повесили на вашего парня убийство?

- В том-то и дело!

- А вы уверены, что он не имеет к этому преступлению никакого отношения?

– Конечно! Сто процентов! Говорю же, мы с ним в тот вечер были вместе. И соседка подтверждает, но следователь уперся, говорит, что я – это не свидетель, что мне нельзя верить, что я покрываю его. И соседку, говорит, вы подговорили, заплатили, мол, ей. Просто уперся как бык! И что делать?

– Адвоката нанимали?

– Конечно.

– И что?

– Адвоката зовут Михаил Семенович Полубояринов, мы заплатили ему, он пообещал помочь. Он искал свидетелей, пытался доказать, что Андрею не было никакого смысла убивать совершенно незнакомого ему человека, да к тому же еще эти очки... Андрей рассказал ему, что эти очки он давно не носит, что однажды он сел на них, и они погнулись, он заказал другие, а эти положил в стол... Короче говоря, Михаил Семенович подготовил материал, собираясь доказывать невиновность Андрея, и мы очень надеялись на него, он производил впечатление вполне адекватного человека... Но на свидание с Андреем он не явился! Представляете?!

– Как это?

– Вот так. Просто не явился и все. После того как мне стало об этом известно, я поехала в консультацию, где он работал, узнала его адрес, приехала к нему... И выяснилось, что его и дома нет. Впоследствии узнала, что его заперли на даче!!!

– Надеюсь, он жив?

– Жив.

– И что он сказал?

– Говорю же – что его заперли на даче! На окнах металлические решетки, дверь тоже металлическая, он не смог выйти!

- То есть вы хотите сказать, кто-то умышленно запер его, чтобы он не встретился с Андреем?

- Ну да!

- А что говорит Андрей? Вы успели хотя бы поговорить с ним? У него были враги? Кому все это было выгодно?

- Он понятия не имеет. Знаете, у нас у всех есть какие-то недоброжелатели, даже у меня, хотя я обыкновенная танцовщица. Я, знаете ли, не лебеда танцую, работаю в ресторане, но... как бы это сказать... Нравлюсь мужчинам, они после представления цветы мне приносят, иногда целые корзины, а там могут быть и записки разного рода, шоколад, подарки, даже деньги! Недавно вообще реальный поклонник нарисовался, бриллианты хотел мне подарить, но я не взяла, сказала, что у меня парень есть.

- А что, если Андрея решили посадить из-за вас? Может, он мешал вот этому вашему поклоннику, понимаете?

- Да, конечно, понимаю. Но что-то не верится мне. Разве можно вот так, ради девушки, губить жизнь парню? К тому же я чувствую, что этому следователю просто заплатили, чтобы Андрея посадили. Хорошо причем заплатили.

- Знаете, Зоя, иногда следователи поступают так и не ради денег, а для того, чтобы просто якобы раскрыть дело, вернее, поскорее закрыть его... Работают на статистику, понимаете?

- Но это жестоко! Я понимаю еще, если следователю дают взятку, чтобы он, наоборот, не заводил уголовное дело, но чтобы взять и посадить ни в чем не повинного человека в тюрьму?.. Какой в этом смысл?

- Говорю же, все это мог организовать человек, которому ваш Андрей сильно мешал. Вы девушка красивая, яркая, может, в вас влюбились... Вы могли это почувствовать.

- Да знаю я, кто так сильно меня любит... Но он не производит впечатление человека, способного на такое. Да, он богат, и думаю, ему не составило бы труда

договориться со следователем, а может, впоследствии и с судьей... Но как тогда вообще возможно жить, если творится такое беззаконие? К тому же не слишком ли это трудный и хлопотный путь к сердцу простой танцовщицы? Я понимаю еще, если бы кто-нибудь попытался по-настоящему приударить за мной...

- Вы хотели бы узнать, кто это сделал?

- Я хочу, чтобы Андрея отпустили. Чтобы было проведено дополнительное расследование, да только чтобы над этим делом работал кто-то другой, понимаете? Скажите, это возможно?

- А вы не пробовали обращаться частным образом к специалистам такого рода?

- Вы имеете в виду частное расследование?

- Это может быть частное адвокатское расследование, к примеру. И здесь я бы посоветовала вам Лизу Травину, это очень хороший адвокат, талантливая молодая женщина... Но она дорого берет, предупреждаю. Можно нанять частного детектива, хотя, признаться, я не думаю, что это даст положительный результат.

- Частный детектив... - вздохнула Зоя. - Это только в кино все эти детективы находят преступников и спасают главных героев... Думаю, что на деле все обстоит иначе. Я читала, чем они занимаются на самом деле.

И она принялась загибать пальцы:

- Супружеская неверность, поиск пропавших людей, сбор разного рода информации о людях, розыск должников и мелких мошенников, наблюдение... Не думаю, что кому-то из них удастся собрать оправдательный материал, чтобы доказать невиновность Андрея.

- А что адвокат? Он хотя бы вернул вам деньги?

- Да, вернул. Извинился. Сказал, что и раньше подозревал, что за этим арестом скрывается крупная фигура, иначе не прошло бы все вот так, как по маслу... К тому же у него пропала папка с документами по нашему делу.

– Вот слушаю я вас, Зоя, и с каждой минутой все больше и больше уверяюсь в том, что ваше дело сфабриковано не столько против Андрея, сколько для того, чтобы, убрав его с дороги, добиться вашего расположения. Давайте подождем немного, и этот человек – назовем его вашим воздыхателем – рано или поздно проявится! А сейчас вам просто необходимо искать другого адвоката! Жаль, конечно, но вряд ли удастся заполучить наработки Полубояринова... Хотя мы же не знаем, что именно он нашел...

– Да, я понимаю... Вы сказали – Лиза Травина. И сколько могут стоить ее услуги?

– Точно не могу сказать... Но если понадобится, то я одолжу вам денег.

– Маргарита... У меня голова идет кругом как подумаю, в какую историю мы вляпались... У вас курить можно?

– Здесь, к сожалению, нельзя. Это мастерская, тут мои работы... Разве что на террасе. Пойдемте, заодно и отдохнете...

– Да я и не устала.

Рита провела свою гостью на уставленную горшками с цветами террасу. Белый полотняный тент, натянутый сверху, создавал приятную тень. Рита пригласила Зою присесть в плетеное кресло, поставила перед ней на столик мраморную пепельницу.

– Так вот, – Зоя вернулась к разговору. – Я была дома, и ко мне пару раз кто-то приходил, долго звонил в дверь, но я не открывала. Цветы... Большой букет красных роз, вот. Этот человек принес мне их и оставил на пороге.

– Вы знаете его фамилию?

– Да, подозреваю, что это бизнесмен Александр Владимирович Райков. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Честно говоря, нет.

– Я тоже о нем мало что знаю. Разве то, что он очень богат. Одно мне ясно – если этот человек все свое свободное время проводит в нашем ресторане, глаза на девушек, то вряд ли о нем можно составить хорошее мнение. Думаю, это человек без тормозов. И кто знает, может, он на самом деле подстроил все таким образом, чтобы Андрей исчез, а он продолжал бы ухаживать за мной...

– Да, удивительная история. Знаете, Зоя, в сущности, я могла бы помочь вам. Хотя бы постараться собрать информацию об этом деле. Конечно, мне придется обратиться за помощью к моему мужу, Марку, но ничего страшного, он человек справедливый, рассудительный, кто знает, вдруг именно он-то вам и поможет.

– Так вы не сердитесь, что я пришла к вам исключительно потому, что вы – жена Марка Садовникова? – неожиданно выдала себя с головой пунцовая от волнения Зоя. – Нет-нет, вы не подумайте, я ценю ваш талант и понимаю, что вам необходимо работать над портретами, и я рада буду вам в этом помочь и позировать сколько угодно, но должна признаться вам честно: если бы не ваш муж, то вряд ли я согласилась бы на эти сеансы. Уж слишком муторно у меня на душе. И в голове у меня лишь один Андрей. Я чувствую, что должна помочь ему во что бы то ни стало. Я даже согласна на большее... Словом, я могла бы пойти на то, чтобы уступить Райкову, если только он пообещает мне вытащить Андрея. Я даже согласна выйти за него замуж, хотя, скорее всего, он предложит мне содержание.

– Не торопитесь, – Рита, возмущившись в душе такой болезненной преданности своему парню, поспешила высказать свое мнение. – Если Андрея решил посадить этот человек, то где гарантия, что, получив свое, добившись вас, он сдержит свое слово и поможет вытащить Андрея? Зачем ему выпускать на свободу своего соперника? Нет. Он доведет дело до конца, чтобы Андрея точно посадили, а добившись этого, он постарается сделать так, чтобы жизнь вашего молодого человека там, в тюрьме, превратилась в настоящий ад. Иначе зачем ему все это было затевать?! Поэтому ни в коем случае нельзя ему уступать, не совершайте ошибки. А теперь вы более подробно расскажете об этом деле, я запишу все необходимое, и начнем действовать.

Она пошевелилась. Вот уже несколько минут она лежала с открытыми глазами, пытаясь справиться с тошнотой и охватившим ее отвращением к мужчине, который лежал с ней в постели и дышал ровно, явно спал. Мужчина этот появился в ее жизни всего несколько дней назад, но успел освоиться не только в ее квартире, постели, но и в ее теле, которое считал своим.

Полноватый, крупный, всегда с чисто выбритым лицом, отчего-то кажущимся ей бесстыдно-розовым, голым, в черных тесных трусах, в которых он, по всей видимости, чувствовал себя половым гигантом, демонстрируя размеры выпуклостей, он разгуливал по квартире с банкой пива в волосатой руке или чашкой кофе и своей развязностью, нахальством, грубостью подавлял в ней остатки достоинства.

Он позвонил ей неделю назад, сказал, что он от Романа, ее парня, что у него для нее важное сообщение. Звонок был странным, непонятным. Роман сам мог ей позвонить. Зачем ему понадобилось действовать через другого человека?

Они встретились в кафе, и стоило ей только увидеть этого человека, как чувство тревоги сразу охватило ее. Возможно, причиной тому был взгляд, плотоядный и злой одновременно, которым он рассматривал ее, присаживаясь напротив нее и выкладывая на столик визитку, телефон и носовой платок, которым он потом то и дело промокал взмокший лоб.

– Значит, так, красатуля, твой Роман попал в одну неприятную историю, из которой я его теперь вытаскиваю, и за эту услугу он расплатился тобой.

Подошедшая официантка сразу поплыла куда-то в сторону вместе со всеми столиками и посетителями, закружился и зеленый полосатый тент, в тени которого и происходил весь этот спектакль.

– Что вы такое говорите? – попробовала возмутиться она, не желая принимать услышанное как реальность. – Вы вообще соображаете, что говорите?

– А тебе никто не говорил, что ты – самая красивая девушка в городе? – Он улыбнулся, показывая крупные крепкие зубы.

Она хотела встать, он почувствовал это и схватил ее за руку. И держал долго, продолжая смотреть в ее глаза.

- Если откажешься пойти со мной – его просто-напросто убьют. Вот такие дела.

- Что за история? Что он такого натворил?

- Неправильные вопросы задаешь, красотуля. Ты должна была спросить: как мог он, твой парень, отдать тебя мне. Связываешься с кем попало, размениваешь свою красоту на таких вот подонков, вот теперь и расхлебывай.

- Я обращусь в полицию.

- Попробуй, – он пожал плечами. – Но это тебе боком выйдет. И потом всю жизнь будешь жить с таким грузом.

- С каким таким грузом?

Официантка между тем куда-то исчезла. Интересно, она услышала, о чем они говорили или нет?

- Его убьют, ты что, еще не поняла? И ты всю оставшуюся жизнь будешь жить с чувством вины.

- Что вы от меня хотите?

- Хочу, чтобы ты была моей девушкой. Если сладится, может, я и женюсь на тебе.

Ей стало жарко, душно, дурно.

- Послушайте, это какая-то ошибка. Роман – нормальный парень, и никаких таких дел у него быть не может... Вы вообще о каком Роме говорите?

Он назвал фамилию.

– Все? Теперь поняла, что никакой ошибки нет? Значит, так. Я приду к тебе сегодня в семь. И не вздумай прятаться от меня. Из-под земли достану. Ты теперь моя.

Нет, этого не может быть. Такое бывает в кино, но не в реальной жизни.

– Я должна поговорить с ним... Должна...

– Хорошо, поговори.

Он набрал номер, послушал телефон, после чего, усмехнувшись, протянул ей. Она схватила его дрожащей рукой.

– Роман? Ты? Послушай, здесь такая история... Этот человек... Я даже не знаю, как его зовут, он сказал мне... Что?

Роман тихим пришибленным голосом сказал:

– Сделай то, о чем он тебя просит. Так надо. Я тебе потом все объясню.

И все. Послышались короткие гудки. Она вернула телефон мужчине.

– Меня зовут Геннадий. Советую тебе быть паинькой. Знаешь, я ведь не дракон какой, не монстр. Может, ты еще влюбишься в меня... – он нехорошо так улыбнулся, захихикал. – Просто мы пока еще чужие, а потом ты поймешь, что я лучше твоего Романа. Во всяком случае, теряя его, ты ничего не теряешь. Понимаешь, о чем я? Не думаю, что после того, что ты сейчас услышала, отношения ваши будут иметь продолжение. Ну все, пока. Вот, закажи себе что-нибудь, пирожное или мороженое...

Он положил на стол тысячную купюру и ушел. Слово его и не было.

К ней снова подошла официантка:

– Что будем заказывать?

Веревку и мыло, подумала она, вслух же не сказала ничего. Встала и быстро вышла из кафе.

– Девушка, возьмите деньги!

Она даже не обернулась. Подумала в ту минуту, что пусть деньги достанутся этой официантке, может, когда-нибудь она станет свидетельницей в этом деле, во всем этом зле, которое обрушилось сейчас на ее голову. Уж это утро и эти деньги она не забудет. И вспомнит человека, который сидел рядом с посетительницей за этим столиком.

Мысли, разрозненные, обрывочные, как и возникающие в воображении картины ее настоящего и будущего, никак не складывались в одну общую картину.

Надо было срочно обращаться в полицию. Но представляя себе, как она пишет заявление, словно слышала смех полицейских. Получалось, что и криминала-то никакого как будто не было. Никого не убили и не ограбили. Роман попал в какую-то историю, и для того, чтобы его вытащить оттуда, спаситель потребовал предварительно награду. Потребовал в счет платы девушку Романа.

Интересно, и как же они договаривались? Он что, на всю жизнь, что ли, ее отдал? Или только на время? На один вечер? Или на несколько дней?

Сволочь.

Она вдруг поняла, что сволочью обозвала про себя именно Романа. А ведь еще недавно он был почти ее женихом, они строили планы на будущее. Им было так хорошо вместе. Тихий, интеллигентный Роман, ласковый, нежный, влюбленный в нее и готовый ради нее на все!

Еще вчера они завтракали вместе у нее дома. Она варила ему овсянку. Они чувствовали себя не просто любовниками, а почти мужем и женой. После этого он, правда, куда-то пропал на целый день. Не звонил, не пришел вечером, как обещал. Не отвечал на ее телефонные звонки. По этим признакам можно было

допустить, что с Романом что-то случилось, так странно он никогда прежде себя не вел.

И в какую историю мог влипнуть? Может, сбил кого-нибудь на машине? Во всяком случае, ничего связанного с его работой (у Романа была собственная кондитерская) как-то не вырисовывалось. Значит, другое. Но что? Деньги? Его торты и пирожные развозились по всему городу и хорошо продавались. Значит, и недостатка в деньгах не было. Может, он убил кого? Случайно?

А что, если это просто шутка? Розыгрыш?

Но если Роман способен на такой розыгрыш... Нет, этого не может быть! Он должен понимать, что подобное может разрушить их отношения, что она никогда не простит ему этого. К тому же если бы он даже и решился на такой розыгрыш, то на это должны быть какие-то особые причины. Может, он хочет проверить ее? Способна ли она ради него на отчаянный поступок? Ну нет, это полный бред. И если предположить невозможное, что он на самом деле решил проверить ее, то подослал бы какого-нибудь своего приятеля, чтобы тот попытался соблазнить ее. Деньгами ли, возможностью, к примеру, жить за границей... Но Роман и сам не бедствует, к тому же он прекрасно знает, что она никогда не хотела жить за границей, что ее вполне устраивает родной город...

Так, рассуждая, она пришла к выводу, что никакая это не проверка. Что у Романа на самом деле что-то случилось, что он попал в лапы бандитов, возможно, задолжал им по-крупному, и этот человек, назвавшийся Геннадием, возможно, помог получить ему отсрочку... Или же Роман на самом деле продал ее?!

Вопросов было много. Она пыталась дозвониться до Романа, но тот, вероятно увидев, кто ему звонит, сразу же сбрасывал ее. То есть не хотел или не мог говорить. А может, боялся признаться ей в том, что он сделал?

Получалось, что ответы на свои вопросы она могла узнать лишь вечером, в семь часов у Геннадия.

Но что она реально сделает, когда он заявится к ней? Откроет ему дверь, впустит в квартиру?

Очень хотелось позвонить подруге Вале, чтобы рассказать ей обо всем, посоветоваться. Но зная Валу, нетрудно было предположить, как она отреагирует, скажет: иди, дорогая подруга, в полицию и обо всем там расскажи. А если с Романом действительно стряслось что-то серьезное и ему угрожают расправой, или того хуже, его убьют, как она тогда будет жить?

С другой стороны, а как он сам-то решился подставить ее? Отдать, продать, подарить ее какому-то Геннадию? И почему она должна расплачиваться за его ошибки?

...Раздался телефонный звонок. Это была Валя.

Она быстро отключила телефон, выскользнула из постели и на цыпочках, стараясь не шуметь, ушла на кухню. Перезвонила подруге.

– Привет, дорогая! Что это ты меня постоянно сбрасываешь? Я приеду к тебе через час, дождись меня. Ты не представляешь себе, какие у меня новости!

Все новости подруги всегда были связаны с ее парнем, которого она подозревала в измене, но расстаться с которым у нее не было сил. Сейчас, судя по тону ее голоса, было нетрудно догадаться, что на личном фронте у нее все в порядке и что Валуша счастлива.

Хорошо ей, она живет обычной жизнью молодой девушки, и все ее радости и огорчения по сравнению с тем, что происходит сейчас с ее близкой подругой, кажутся пустяками, чем-то несерьезным, даже водевильным.

– Не знаю, что там у тебя происходит, но сегодня воскресенье, выходной, поэтому никакие возражения не принимаются!

И она отключила телефон.

Она почувствовала, как волосы на голове зашевелились: это мужчина, который неслышно вошел на кухню, обнял ее сзади, прижался к ней.

– И с кем это мы тут разговариваем? – услышала она над самым ухом. Специфический запах, который исходил от него, вызвал в ней прилив тошноты. Понимая, что ей и на этот раз не уйти от него, что в очередной раз придется уступить, она зажмурилась, представляя себе, как она быстрым движением выскользывает из его сильных рук, открывает ящик буфета, достает нож, поворачивается и всаживает его в живот насильника.

Но вместо этого она лишь опустила голову, чувствуя возбужденное дыхание мужчины на своем затылке, и покорилась ему...

...Валюша пришла не с пустыми руками.

– Вот тортик! Между прочим, твоего Романа. Уж не знаю, где он достает эти рецепты, но торты у него получаются какие-то домашние, вкусные... Думаю, он все же использует масло, а не маргарин...

Валя во всем зеленом – платье, малахитовые сережки и бусы, туфельки – выглядела очень нарядно. Лицо ее светилось счастьем. Она была весела, беспечна до такой степени, что Мила чуть не разрыдалась прямо в прихожей. Еще совсем недавно такой же благополучной и спокойной выглядела, должно быть, она сама. В то время как Валентина рыдала на ее плече, жалуясь на свою болезненную ревность к своему парню.

И вот теперь все поменялось. Как-то сразу, неотвратимо и ужасно.

– Заваривай чай, лучше зеленый... В городе жара, асфальт плавится... Хорошо, что у тебя кондиционер. Не представляю себе людей, которые живут без него... Ау, Мила, что с тобой? Ты еще не проснулась? В халате, с полотенцем на голове... Только из душа? Уже обед!

Сбросив туфли, она босиком, по коврам, с видом человека, которому здесь все знакомо и где его любят, прошла на кухню, поставила коробочку с тортом на стол и принялась развязывать бечевку.

– Куришь? Вроде бы бросала, а? – Она улыбнулась, и на щеках ее появились милые ямочки. – Что, трудно? Вот и я тоже говорю, что курить бросить – почти невозможно. Особенно тем, кто это дело любит. Что ж, давай, подружка, закурим!

Она все еще ничего не замечала, продолжала жить своей жизнью, которая проходила как бы параллельно с жизнью Милы. Щебетала, щебетала...

По-хозяйски достала большую тарелку, выложила туда нарезанные куски торта, даже не замечая того, что Мила сидит напротив нее, не в силах пошевелиться. И что лицо ее, опухшее от слез, почти неживое, мертвое. И взгляд отсутствующий.

– Ну, где же чай? – Валя повернулась и только сейчас увидела лицо подруги. – Ба, Мила, да что с тобой?

И тут Мила, не выдержав, разразилась судорожными рыданиями. Она стонала и подвывала, обливаясь слезами. Валя, остолбенев, опустилась на стул. Она не верила своим глазам.

– Валя, меня ппп-рро-дддалли... Ппрродали! Ты не ппрреддставляешь, что со мной случилось... Валя...

4

Это была старая «хрущевка», в которой, казалось, с самого первого дня ее существования никто не удосужился сделать ремонт. Ободранные обои, вытертый линолеум, обшарпанные подоконники, треснутые стекла в окнах. Сейчас все окна были распахнуты, и по квартире гулял теплый опасный сквозняк. Марк Садовников, в белой тонкой рубашке и светлых льняных брюках, прохаживался по квартире и недоумевал, как можно было вообще проживать в таком жилище.

Подойдя к одному из окон, в гостиной, он выглянул и посмотрел на собравшуюся во дворе дома толпу. Конечно, собрались преимущественно соседи. Кому еще придет в голову торчать на раскаленной площадке столько времени, чтобы

дождаться, как станут укладывать на носилки все то, что осталось от выбросившейся из окна собственной квартиры гражданки Ивановой.

Сейчас Марк видел сверху лишь пропитанную кровью простынку, под которой и лежало тело девушки. Он вот уже два часа находился в квартире, расспрашивал соседей о самоубийце, пытаясь понять, по какой причине это произошло. Мнения соседей сходились в одном: Мария Иванова покончила собой, скорее всего, от неразделенной любви. Правда, никто никогда не видел парня, из-за которого она это проделала. Это были лишь догадки. Говорили еще, правда, что двадцативосьмилетняя Мария работала санитаркой в городской больнице. Что бедствовала, постоянно занимала у соседей деньги и что в магазине чаще всего покупала пиво и сигареты. Что у нее вся ее крохотная зарплата и уходила только на это. Бухгалтерша из ЖЭКа, живущая в соседнем доме, сказала, что Мария Иванова была злостной должницей по квартирной плате и что ее грозились выселить. Кто-то сказал, что она никогда нигде не училась, что жила как птичка – что с неба упадет, тем она и живет. В сущности, никому вреда она не причиняла, гостей пьяных не водила, музыку громкую не включала. Жила себе и жила, каждое утро минута в минуту отправляясь на автобусе в больницу и возвращаясь после трех. Заходила в супермаркет рядом с домом, покупала все те же сигареты, пиво, может, еще что-нибудь из еды и сидела дома. Скорее всего, смотрела телевизор или просто спала.

В кухне Марк нашел доказательства того, что соседи говорили правду: повсюду – на столе, полу – огромное количество пустых пивных банок, пластиковых бутылок, мусорное же ведро до краев заполнено упаковками от сосисок, пельменей и дурно пахнущим содержимым пепельниц.

Ни одной мужской вещи. В шкафу старые куртки и плащ, в спальне на двери гроздья какого-то шмотья, джинсы, майки... Постель разобрана, простыня отвратительного серого цвета.

Судмедэксперт Борис Анджан, осмотрев труп, сказал только, что смерть наступила вследствие черепно-мозговой травмы, что было и так ясно – на асфальте разве что не плавилась разбрызганные по нему мозги... Добавил, что запаха алкоголя не чувствуется, но подробный отчет он представит после вскрытия.

Следов борьбы в квартире не было. Были сняты все возможные отпечатки пальцев, отправлена на экспертизу постель жертвы. Помощник Марка, Лева Локотков, изучал содержимое письменного стола Ивановой и комментировал это скупно: «И бумаг-то никаких нет, разве что паспорт... Смотри, сколько счетов... Письма из ЖЭКа с предупреждениями... Непонятно, чем и как жила эта Иванова...»

– Конечно, жалко ее, молодая совсем, но, по-моему, она была обыкновенная пивная алкоголичка. Смотрите, сколько пустых бутылок повсюду. Некоторые люди почему-то не считают пиво алкогольным напитком.

Позже, уже перед самым уходом, Борис бросил странную фразу, на которую тогда никто поначалу не обратил внимания:

– От нее пахнет розой.

5

Она долго не могла поверить, что дверь, чужая дверь так легко открылась и что теперь она, потерявшаяся в этой жизни Сима, находилась в тихой и чистой квартире, где могла позволить себе вдоволь наиграться в хозяйку этого рая с большими и уютными комнатами, мягкими диванами, теплой водой и телевизором.

Первые несколько минут были фантастическими, все казалось нереальным. Она понимала, что сильно рискует, как понимала и то, что все равно постарается использовать свой шанс прикоснуться к чужой жизни максимально, чего бы это ей ни стоило. Мысленно разговаривая про себя с представителями закона, оправдываясь и пытаясь объяснить свое присутствие здесь, она для легкости восприятия продолжала играть с собой в игру под названием «волшебный сон» и чувствовала себя так, словно приняла на грудь граммов триста водки.

Осмотрев квартиру, она, проанализировав увиденное, детали, решила, что тут живет (жила) молодая женщина, без мужчины. Что она моется хорошим мылом и

шампунями, одевается в дорогих магазинах, ест полуфабрикаты, спит на шелковом белье и не любит выпить (к этому выводу она пришла, обнаружив бар, полный запечатанных благородных напитков). Зато она курит, Сима нашла в кухонном буфете несколько блоков дамских сигарет, а в сушилке три (!) роскошные (мраморная, хрустальная и металлическая) пепельницы.

Судя по общему состоянию квартиры, она казалась нежилой. Мыло сухое, полотенца – тоже, в стиральной машинке – залежалое постельное белье, на пианино – слой пыли, мусорное ведро пустое, в нем нет даже пакета. Да и вообще множество мелких, но верных признаков указывало на то, что хозяйка долгое время отсутствует. Когда она появится и появится ли вообще – вопрос оставался открытым. Особенно если учесть, что подарок судьбы, который Сима получила из рук алкоголика и попрошайки Юлика в виде полиэтиленового пакета с удивительно полезным набором предметов (паспорт на имя Валерии Борисовны Бариновой, ключи от квартиры), свидетельствовал о том, что эта двадцатипятилетняя особа либо весьма рассеянна, раз позволила лишиться себя этих важных вещей, либо ее вообще нет в живых.

Сима думала об этом как-то уж совсем абстрактно, без особых эмоций, поскольку не была знакома с этой девушкой, и это продолжалось до тех пор, пока, изучив квартиру, не обнаружила довольно много фотографий тоненькой брюнетки (многочисленные фотоальбомы, портретики в дорогих рамках на книжной полке), которая, скорее всего, и являлась той самой Валерией Бариновой.

Мысли в связи с тем, что хозяйка квартиры и паспорта была практически ровесницей Симы, забродили, как вино в теплом погребе. Занять ее место, успеть почувствовать себя нормальным человеком, пока тебя не обнаружили, не поймали-схватили, успеть насладиться всем тем, что за последние два года казалось Симе навсегда потерянным, загубленным, – вот, чего остро хотелось и что будоражило воображение.

Сима приехала в этот город после того, как у нее сгорел дом в Волгоградской области. Позаимствовав у своего любовника Сашки деньги на дорогу (без его ведома, разумеется), она купила билет, и с тех пор ее жизнь кардинальным образом изменилась. Продавщица в коммерческом ларьке, сожительница хозяина-азербайджанца, которую, как эстафету, потом передали его младшему брату – редкой скотине и садисту Мемеду, от которого она сбежала на

следующее утро с синяками по всему телу... И наконец, Юлик, вокзальный бомж, человек, однако, в высшей степени интеллигентный, справедливый, добрый и щедрый и, несмотря на свою алкогольную зависимость, безденежье и отсутствие собственного жилья, являвшийся ее единственной опорой в последнее время, – вот и все, что составляло ее жизнь и привязанности в последние месяцы.

При мысли о Юлике сердце Симы всякий раз сжималось – ее покровитель, вручив ей волшебный подарок, куда-то исчез. Причем как-то сразу. И кто-то внутри Симы шептал ей зловещим голосом, что Юлика больше нет. Что он наверняка умер, что его организм, пораженный жестокими болезнями, просто не выдержал и сдался и жизнь его уступила место смерти. И думать об этом было просто невыносимо.

Она не сразу решила воспользоваться подаренными ей сокровищами. Как-то так все сложилось, что неожиданно нарисовалась работа неподалеку от вокзала, в хлебном киоске, – ей позволили, доверили убираться там, помогать носить лотки с хлебом и выпечкой, за что платили мало, но регулярно – раз в два дня. Спала она на прежнем месте, на вокзале, в одном из снятых с рельсов вагонов, кишасщем такими же, как и она, бездомными бродягами, многие из них были ей хорошо знакомы, а с некоторыми она и вовсе дружила. Как с Юликом.

Юлика в их обществе не любили за его ум, любовь к философии и независимый характер. И еще, пожалуй, за то, что он сумел найти общий язык с Симой, считавшейся в их компании самой молодой и красивой девушкой.

Была у Юлика и еще одна особенность – удачливость во всем, что касалось денег. Его шляпа быстрее всех набиралась бумажками – русскими, американскими, европейскими, и это позволяло ему вести какой-то особый, привилегированный образ жизни. К тому же он – а это уже не лезло ни в какие ворота! – покупал себе, помимо выпивки, книги! В то время как остальные мечтали элементарно наесться.

Никто не знал, как он оказался на улице, ведь ясно же было, что он из ученых и умных людей, да и воспитан в хорошей семье, это чувствовалось во всем. Живущие рядом с ним решили, что всему виной либо алкоголь, либо женщина, доведшая его до бутылки.

И вот он пропал. Каждый вечер возвращаясь в вагон, Сима спрашивала, где Юлик, и по гробовому молчанию обитателей вагона понимала, что его нет. И что самое грустное, никто о нем, кроме нее, не горевал.

– Что это? – спросила она в тот вечер, когда он, отозвав ее подальше от вагона, вручил ей пакет.

– Путевка в твою новую жизнь. Здесь документы, ключи. Поезжай по указанному в паспорте адресу, понаблюдай за квартирой и попытайся понять, живут ли в ней, и, если выяснишь, что нет, постарайся проникнуть туда, поживи там, вспомни, как это хорошо – жить в нормальных условиях... Приведешь себя в порядок, отоспишься в тишине... Может, повезет, и там найдется еда... Если боишься, отдай пакет кому-нибудь из наших.

Они оба понимали, что терять Симе особенно-то нечего. И что тот образ жизни, который она ведет, все равно рано или поздно приведет ее за решетку. Сима воровала, редко, но с душой, отчаянно. Вот только воспользоваться тем, что украла, было трудно, живя бок о бок с пропащими, без ориентиров, людьми.

– Ты должна выкарабкаться, выбраться отсюда, – сказал ей Юлик, глядя ее по голове. – Ты красивая, молодая, пока еще здоровая. Кто знает, может, тебе повезет и ты придешь в себя, вернешься в нормальную жизнь, встретишь хорошего парня, выйдешь за него замуж. Только ничего от него не скрывай, когда он полюбит тебя, расскажи ему всю правду, чтобы потом не дрожать всякий раз в страхе, что тебя разоблачат. Так и расскажи, что, мол, дом у тебя сгорел, что жила на вокзале, что мыла полы в киосках, попрошайничала, воровала, что нашла документы в урне... Так и проверяется любовь, поняла? Когда расскажешь правду и парень этот не отвернется от тебя, значит, любит, и будешь ты с ним счастлива.

Понятное дело, что он нес полный бред, и Сима никогда никому не расскажет о себе всю правду. Но в тот вечер, замороженная видом чужого паспорта и ключами, кивала головой, соглашаясь с каждым словом Юлика, представляя

себе «хорошего парня» – высокого bruneta в джинсах и голубой (почему-то) рубашке, с открытым лицом и доброй улыбкой...

Тряхнув головой, сбрасывая охватившее ее оцепенение, она вернулась к двери, чтобы еще раз проверить, хорошо ли она все заперла. Там был засов, закрывшись на который она могла не бояться, что кто-то проникнет в квартиру. Даже если предположить, что кто-то придет и захочет открыть дверь ключами, то ничего не выйдет. Во всяком случае, до того момента, когда она после ухода этого человека сама не откроет этот засов. Не вечно же будут стоять под дверями и звонить. Вариантов поведения этих людей было не так уж много. Либо этот человек, может, сама хозяйка, Валерия Баринова, станет биться в дверь до тех пор, пока не догадается вызвать полицию, и тогда Сима откроет дверь и сдастся, во всем признается. Либо человек, попытавшийся открыть квартиру, рано или поздно уйдет, и тогда Сима покинет квартиру.

Понятное дело, что ситуация непростая, что она будет нервничать, бояться прихода людей, имеющих отношение к Валерии Бариновой, но рано или поздно все разрешится... Сима не страшилась тюрьмы. Однажды она даже призналась Юлику, что хотела бы попасть туда, чтобы просто отоспаться. Он обозвал ее дурой и сказал, что нет ничего драгоценнее в жизни, чем свобода.

Сима сбросила с себя одежду, забралась в ванну, полную теплой воды, и нырнула туда с головой. Вынырнула другим человеком, веселым и дерзким, полным сил и желаний.

Ей показалось даже, что голубой дельфин на кафельной плитке подмигнул ей...

6

В юридической консультации работал кондиционер, и Рита, попав в этот прохладный рай из уличной духоты, вздохнула с облегчением. Большой зал с расставленными по периметру пустующими столами был не лучшим местом, где клиенты могли бы побеседовать со своими адвокатами о наболевшем, о самом

важном.

Не найдя ни единой души, она заглянула в маленький кабинет, где за столом работал человек в очках. Он даже не поднял голову, когда она его окликнула.

- Ау, здесь есть кто живой? Да оторвитесь наконец от своих бумаг! Может, я ваш будущий клиент! - рассердилась вдруг она, удивившись этому безразличию представителя адвокатской братии.

- Да, слушаю вас, - снизошел до нее человек. - Вы ко мне?

- Я ищу Михаила Семеновича Полубояринова, - сказала Рита, нахмурившись.

- Значит, ко мне. Проходите, пожалуйста.

Он машинально отодвинул от себя бумаги и уставился на посетительницу сонным взглядом.

- Слушаю вас.

- Меня зовут Маргарита, и у меня к вам дело.

И она в двух словах объяснила ему причину своего визита.

- Что вы можете сказать по этому делу? Этот парень, Андрей Татаринов, он действительно избил Виталия Колосова?

- Вы его родственница? - спросил осторожно, глядя на нее поверх очков, Полубояринов. - Почему вы этим интересуетесь?

- Я - родственница его невесты, Зои. Понимаете, она находится сейчас в крайне подавленном состоянии и не может продолжать заниматься этим делом. Она рассказала обо всем мне, и вот я здесь.

- Но я не следователь. Думаю, что вы пришли не по адресу.

Ей показалось, что он старается не смотреть ей в глаза.

– Зоя сказала мне, что вы не пришли на свидание к Татаринovu. Может, передумали его защищать... Вы же понимаете, насколько важен был для него ваш визит... Так что произошло? Вы отказываетесь его защищать?

– Сейчас, минуточку...

И тут... Адвокат Полубояринов вдруг схватил в охапку бумаги, над которыми работал, и, сунув их в кожаный портфель, пулей вылетел из кабинета. Рита от неожиданности не сразу сообразила, что от нее попросту сбежали, постояла еще какое-то время неподвижно, отмечая про себя, что ее оставили в рабочем, полном важных бумаг, а может, и личных вещей кабинете, после чего в полном недоумении вышла в коридор. Осмотрелась. Прислушалась. Мертвая юридическая консультация.

В машине она пришла в себя. Получалось, что ее визит настолько был неприятен этому адвокату, а может, и опасен, что он не нашел ничего лучше, чем просто сбежать. Взрослый человек, ему лет под пятьдесят. И откуда только берутся такие адвокаты? Кому расскажешь – не поверят.

С другой стороны, именно это неожиданное бегство защитника Андрея Татаринова подтвердило слова Зои о том, что история ее жениха на самом деле странная и что за всей этой трагедией стоит человек или стоят люди, перед которыми спасовал в свое время адвокат.

Хорошо. Не получилось с адвокатом, может, получится со следователем Владимиром Викторовичем Сосновым?

И Рита поехала в прокуратуру.

Марка в кабинете не было, а разговаривать с ним по телефону не хотелось. К тому же она заранее знала его реакцию на известие о том, что его жена снова

ввязалась в историю, папахивающую криминалом. Ему с самого начала не понравилось, что она пригласила в дом танцовщицу кабаре, теперь, когда она расскажет ему о Зоинном женихе, которого якобы невинно осудили, можно себе представить, что он ей на это скажет. И тогда она решила позвонить помощнику Марка – Леве Локоткову. Уж он-то ей точно ни в чем отказать не может. Выслушает, посоветует, как лучше подойти к этому Соснову. К тому же даст ему безошибочную характеристику.

Лева вышел к ней, и они уединились в комнате для допросов.

– Соснов? – Лева, какой-то весь взъерошенный, то и дело промокая платком взмокшее от жары лицо, пожал плечами. – Да нормальный он мужик. А что случилось-то?

Маргарита рассказала ему о визите Зои. Потом – о странном поведении адвоката Полубояринова. Лева расхохотался.

– Да, на самом деле как-то все странно. Но, скорее всего, дело было так. Соснову принесли этого Андрея вашего на блюдечке с голубой каемочкой, понимаешь? Опера вышли каким-то образом на него, потом против этого парня поработала экспертиза – вот и все!

– Думаешь, дело сфабриковано?

– Да просто уверен! Может, я бы еще сомневался, если бы не этот адвокат... Полубояринов... Да я о таком, честно говоря, никогда и не слышал. Скорее всего, не очень грамотный адвокатишка, которого припугнули, вот он и наложил в штаны. Другой вопрос – зачем кому-то понадобилось подставлять парня? Давай попробуем помочь твоей танцовщице. Я так понимаю, что ты хочешь почитать дело?

Рита кивнула. Локотков – золотой человек.

– Ничего не обещаю, но постараюсь. Однако должен сразу тебя предупредить. Твой визит сейчас представляется лично мне первым ударом по бильярдному шару... Ты ударила, шар покатился и попал в адвоката, а он тоже покатился, понимаешь, о чем я?

- Думаешь, надо было за ним проследить?

- Поздно уже. Уверен, что как только он выбежал из консультации, так первым же делом набрал телефон того, кто запер или просто не позволил ему физически прийти в СИЗО, на встречу с Татариновым. Заказчик, понимаешь? Или же просто сбежал и никому ничего не скажет. Денежки свои получил за то, что бросил своего подзащитного на произвол судьбы, и теперь будет прятаться до тех пор, пока ты снова не прижмешь его.

Рита не знала, что и сказать.

- Но рано или поздно ему же придется встретиться со мной, он не может этого не понимать.

- Да, это так, но только сейчас у него есть время, чтобы подготовиться к встрече с тобой, к тому, что он должен будет все-таки объяснить свое поведение. Ты же застала его врасплох, вот он и не нашел ничего лучше, как смыться... Первое, что твоей танцовщице надо сделать, - это найти опытного адвоката. Что же касается Соснова, то мне почему-то кажется, что он не при делах. Но ты пойдешь, поговори с ним. Кабинет шестой, как выйдешь, сразу направо. Только не говори, что ты жена Марка.

Следователь Соснов в отличие от адвоката Полубояринова выслушал Риту спокойно, его лицо выражало скорее скуку, чем напряжение или тем более страх.

- Ну да, я веду это дело. Кем вы приходитеесь Татаринову?

Рита объяснила ему, что действует от имени невесты Татаринова, Зои.

- Я вам так скажу: женщины никогда не верят в то, что совершили их близкие мужчины. И ваша Зоя не исключение. Вернее, даже не так. Они не хотят верить в то, что их мужчина способен на такое. Тем не менее дело-то оказалось совсем простым. У меня на руках оказались неопровержимые доказательства вины Татаринова. К тому же нашлись свидетели, которые подтвердили, что сами видели, как Татаринов избивал Колосова. Что же касается мотива, то правду нам

так и не удалось выяснить, но мало ли существует неозвученных мотивов, когда люди отчаянно дерутся, выясняя отношения или наказывая друг друга.

– Зоя говорит, что Андрей не был даже знаком с погибшим, – сказала Рита.

– Она могла этого просто не знать. Говорю же, мотивы поступков людей могут быть самыми разными. Повторюсь – дело простое, ваш Андрей жестоко избил человека, после чего тот скончался. Вот и все.

– А как вообще вы узнали о том, что это был именно Татарин? – не успокаивалась Рита, которую уже начал раздражать спокойный тон следователя. – Кто-то же вам предоставил эти доказательства?

– Разумеется, но я не обязан перед вами отчитываться, – пожал плечами Соснов, становясь в глазах Риты уже одним из ее подозреваемых в этом странном деле. – Это наша работа, понимаете? Мой вам совет – оставьте это свое собственное расследование. Вы не первая и не последняя, кто пытается помочь преступнику. Вы, женщины, не хотите верить в элементарные вещи. Ваша подопечная любит Татарина и еще какое-то время будет пытаться что-то предпринять, станет писать жалобы на меня, на всех тех, кто занимался этим делом, но потом все равно успокоится. Бросит его, встретит другого и выйдет за него замуж. Так устроен мир.

– А что, если Андрей на самом деле не виноват и все дело сфабриковано?

– Вы обладаете какими-нибудь сведениями на этот счет?

Рита вдруг поймала себя на том, что у нее пропала всякая охота распинаться перед этим скучающим следователем и что он как бы даже недостойн того, чтобы ему рассказывать о существовании возможного поклонника Зои, мужчины, который не пожалел денег на то, чтобы Андрея посадили.

Не проронив больше ни слова, даже не попрощавшись, Рита встала и вышла из кабинета.

Ноги сами привели ее к Марку. На этот раз он находился в своем кабинете, работал за столом, лицо его было сосредоточенным. Красивый и всегда немного чужой в этих казенных стенах.

- Марк...

Он поднял голову, увидел жену, и лицо его сразу словно отпустило, он стал прежним, домашним и так любимым ею Марком. Это длилось несколько секунд, после чего взгляд его стал тревожным, брови нахмурились.

- Что случилось, Рита?

- Марк, мне надо с тобой поговорить. Ты можешь уделить мне немного времени?

Выслушав ее, он пожал плечами, совсем как Соснов. Рите даже показалось, что и у него лицо враз потускнело, поскучнело.

- Только, пожалуйста, не говори мне, что мы, женщины, склонны оправдывать своих мужчин, даже если те - настоящие маньяки и убийцы! Ты пойми, Андрей в то время, когда убивали Колосова, находился на другом конце города!

- Это еще надо доказать!

- Марк!

- Ладно, я понял, ты уже не отступишься. Что ж, давай проверим кое-что, и я помогу тебе, тем более что понимаю - обратного хода нет и ты пойдешь до конца. Лучше уж я буду в курсе, а то ты станешь барахтаться одна. Не обижайся... Я достану для тебя это дело, и ты считаешь его.

Рита набрала воздуха в легкие, собираясь ему сказать, что попросила Локоткова раздобыть папку с делом Татаринова, но Марк опередил ее признание:

- Левку, что ли, подключила?

Она кивнула головой. В такие минуты ей казалось, что Марк намного старше ее и относится к ней снисходительно, как к любимому ребенку, которому не в силах отказать.

– Только обещай мне, что будешь держать меня в курсе.

– Марк, я тебя люблю!

– Сейчас я очень занят и смогу заняться этим делом лишь после того, как освобожусь. Если ты уж так решительно настроена, то поезжай к Борису Анджану, может, он расскажет тебе что-нибудь интересное.

– Борис, привет!

Морг, куда она приехала сразу после разговора с Марком, действовал на нее, как и на всякого другого человека, угнетающе. Все годы, что она была знакома с судмедэкспертом Борисом Анджаном, ее интересовал вопрос: что заставляет людей выстраивать свою жизнь таким образом, чтобы большую часть своего времени проводить в обществе трупов, среди лоханей с дурно пахнущими внутренностями тех, кто еще не так давно дышал, улыбался, щурился на солнце, любил, ненавидел... Она часто задавала ему этот вопрос, но вразумительного ответа так и не получила.

От Бориса пахло водкой. Благодушный, веселый и одновременно задумчивый, словно и его не отпускал этот же вопрос – на самом деле, что он делает рядом с мертвыми телами? – он встретил ее как родного человека.

– Колосов, говоришь... – он с готовностью принялся искать в шкафу своего маленького, примыкающего к секционной кабинета нужную папку. – Да, помню я этого Колосова. Ему разбили голову. Но даже если бы и не разбили, то прожил бы он недолго. Цирроз, слабое сердце... Жизнь его крепко потрепала. Уж не знаю, кем он был и чем занимался в последнее время, но все указывало на его неблагополучие.

– Что это значит?

- То, что он месяцами не мылся, что подошва его ног, пятки огрубели так, что на них появились трещины, которые кровоточили. Кроме этого, у него были вши!

- Вши?!

- И питался он опасной едой, в которой я обнаружил токсины.

- Что это за еда?

- Несвежие, просроченные рыбные консервы. А про зубы я и вовсе молчу.

Рита не знала, что и сказать, поскольку информации о Колосове у нее пока не было. Вот когда у нее в руках окажется дело, тогда и можно будет сопоставлять и анализировать: кто такой этот Колосов, каким образом он мог быть связан с Татариновым. Покопавшись в прошлом этих людей, понять, что заставило Андрея Татаринова поднять руку на Колосова.

Рита позвонила Зое, они договорились встретиться в кафе «Арена», чтобы оттуда поехать на квартиру Андрея.

Несмотря на депрессию, в которой она жила, как в темном и душном коконе, ничто в облике этой молоденькой женщины не указывало на то, что она сушит сухари для своего парня. Зеленая шелковая юбка, такого же цвета декольтированная тонкая блузка, оранжевая лента в волосах. Стройная, порывистая, нервная, невероятно красивая, она вызывала восхищение у сидящих на террасе кафе мужчин.

Возможно, подумала Рита, в это самое время, когда Зоя пытается что-то сделать для Андрея, тот человек, который засадил его за решетку, пьет кофе в своем кабинете, перелистывая документы, и ждет своего часа, когда он почувствует, что уже можно выйти из тени, чтобы очаровать, околдовать и прибрать наконец к рукам то, что ему не принадлежит, - красавицу-танцовщицу с тихим и мирным, почти семейным уже прошлым.

Женщины как-то быстро перешли на «ты», и общаться стало легче.

– Зоя, сколько лет было этому Колосову?

– Не знаю точно, думаю, он был примерно ровесник Андрея.

– Твой Андрей, он вообще из какой семьи?

– Его родители погибли в позапрошлом году в авиакатастрофе, я не застала их, но судя по тому, что мне рассказывал Андрей, это были образованные интеллигентные люди.

Мама – преподаватель в художественном училище, отец – бизнесмен.

– Он жил вместе с ними или отдельно?

– Пока они были живы, он жил отдельно, а потом перебрался в родительскую квартиру. Собственно говоря, туда я и предлагаю поехать.

– Скажи...

Подошла официантка, женщины заказали капучино.

– Скажи, пока велось следствие, кто-нибудь просил у тебя ключи от этой квартиры?

– Нет, там не проводили обыск, не работали эксперты, если ты это имеешь в виду. Говорю же, все закончилось очень быстро, даже не успев начаться. Просто кто-то кому-то очень хорошо заплатил...

– Значит, так. Сегодня я встречалась со следователем...

Рита рассказала Зое о своих утренних визитах к следователю, адвокату и к судмедэксперту.

– Я спрашиваю себя, ну на самом деле, что общего могло быть у потрепанного жизнью рано постаревшего алкоголика с беззубым ртом и больной печенью с твоим Андреем?

– Да уж, – покачала головой Зоя, отпивая маленькими глотками кофе. – К тому же Андрей никогда не был драчуном. Насколько мне известно, в его жизни не было ничего такого, что заставило бы его разбираться с человеком при помощи кулаков. А здесь – жестокое убийство. Хладнокровное убийство.

– Может, ты недостаточно хорошо знаешь своего молодого человека? Может, он временами бывает вспыльчив, неуправляем, не помнит себя?

– Нет-нет, в том-то и дело, что он не такой. Даже если представить, что он на самом деле решил каким-то образом проучить человека, который нанес ему оскорбление или обманул, или, к примеру, причинил боль близким, все равно он нашел бы более цивилизованный способ заставить его заплатить за этот проступок. Скорее обратился бы в прокуратуру или суд, но никогда не стал бы заниматься самосудом. Да и из равновесия его вывести не так-то легко. Вернее, почти невозможно. Вот и получается, что кто угодно мог избить Колосова, но только не мой Андрей. Вот, согласись, все указывает на то, что его кто-то крепко подставил.

– Хорошо, будем разбираться и искать этого «кого-то».

Квартира Андрея Татарина выглядела так, словно он только что покинул ее. Чистая, уютная, живая. Рита поняла, что эту самую жизнь в ней всеми силами поддерживала Зоя. Возможно, она до последнего момента не верила в такое вот жестокое решение суда и надеялась, что Андрей вернется сюда уже совсем скоро, поэтому вычистила ковры и вымыла до блеска окна. Но Андрея посадили, и тогда она, словно вопреки случившемуся и понимая всю необратимость беды, тем не менее продолжала следить за квартирой, как если бы это было живое существо, которое нельзя бросать.

– Бизнес остался ему от отца, – рассказывала Зоя, в то время как Рита осматривала квартиру, – у него два магазина строительных материалов. Сейчас там за всем следит его доверенное лицо, друг-инвалид. Олег честный парень.

Если бы дела шли хорошо, то можно было бы найти знающего, дорогого адвоката, а не обращаться к этому Полубояринову. Но случилось так, как случилось.

- Ничего, постараемся вытащить твоего Андрея.

В квартире Андрея интерес для Риты могли представлять исключительно его бумаги, но и они в большинстве своем касались его магазинов, в остальном же существовал набор необходимых каждому взрослому человеку документов: заграничный паспорт, свидетельство о рождении, диплом, грамоты...

- А где телефон Андрея? - спросила Рита.

- Мне его не дали. Я ведь не жена ему. Хотя я тоже думала о телефоне, может, Андрей звонил кому-то незадолго до того, как убили того мужчину, мало ли... А вдруг он разговаривал с кем-то, кто может подтвердить, что у Андрея были какие-то планы на тот вечер, или...

- Я понимаю тебя, Зоя. В этом деле, конечно, все важно. Но, увы, у нас его мобильного пока нет. Хотя я постараюсь сделать все возможное, чтобы его заполучить.

- Интересно, а у Колосова был телефон? Скорее всего, был... - размышляла Зоя. - Вот если бы, к примеру, Андрей разговаривал со своего мобильного с Колосовым, это явилось бы фактом, что они были знакомы, и тогда можно было бы предположить, что они договорились встретиться и из-за чего-то подрались... Но я больше чем уверена, что такого не было... Да и вообще, как они могли встретиться, когда в момент убийства Андрей был со мной?!

- Зоя, у Андрея был портфель, борсетка, в чем он носил свои документы?

- Ну да... Да только ее здесь тоже нет.

- Андрея вообще где задержали?

– Да прямо сюда и пришли, говорю же! Подняли с постели! Ничего слышать не хотели.

– Это был сам следователь?

– Нет. Точно нет. Это были другие люди. Что-то подсказывает мне, что это были опера, которые, как собаки, рыщут в поисках улики, выполняют всю самую сложную и грязную работу. Но все это я знаю исключительно по сериалам.

– Вот ты все это рассказываешь, а мне эта история с задержанием кажется каким-то грубо поставленным спектаклем. Но, подожди, вот достанет мне Марк дело, я почитаю, тогда и видно будет, как и что... А пока я, как слепая, могу только догадываться... Стоп. А вот это что за документ? Договор купли-продажи квартиры... Что это за квартира?

Рита показала Зое документ. Та быстро пробежала его глазами.

– Этот адрес... Это же квартира Андрея! Однокомнатная, ну, та самая, в которой он жил, когда еще родители его были живы. Что же это получается... Он ее продал? Надо же, а я и не знала... Вот, здесь и фамилия покупателя имеется... Захаров Виктор Викторович.

– Тебе эта фамилия ни о чем не говорит?

– Нет... Никогда не слышала.

– Что ж, проверим этого человека, тем более здесь и адрес его есть... Ладно, пошли дальше. Вдруг еще что-нибудь найдем.

7

До разговора с судмедэкспертом Борисом Анджаном Марк вполне допускал версию о самоубийстве Маши Ивановой, хотя ее личностная характеристика, которую он сумел составить со слов соседей, указывала на то, что погибшая девушка совсем не походила на тонкую, сверхчувствительную натуру,

способную в момент кризиса распрощаться с жизнью. Наоборот, простая и грубоватая, хроническая неудачница и выпивоха, она могла бы дожить до старости, даже и не подозревая о том, что несчастлива и что в том, какой жизнью она жила, виновна она сама, ее природная лень, не позволившая ей выучиться и устроиться в жизни более комфортно.

Борис же, озвучив некоторые подробности вскрытия, заставил Марка задуматься об истинной причине ее смерти.

- Девушка накануне смерти пила красное вино, - сказал он по телефону, чем удивил Марка, поскольку в квартире погибшей он не нашел ни одной бутылки из-под красного вина. Хотя, конечно, она могла выпить и в другом месте, как и съесть приличную порцию маслин (банки из-под которых также не было обнаружено). Хорошо, предположим, что все это она съела и выпила не в своей квартире, а у кого-нибудь в гостях или в кафе. Но как объяснить другой факт?

- Ты помнишь, я сказал тебе еще там, у нее дома, что от нее пахнет розой. Так вот, эта Иванова была просто умащена розовым маслом, настоящим дорогим розовым маслом. Согласись, трудно представить себе, чтобы девушка с зарплатой санитарки могла позволить себе такую роскошь.

Марк на это лишь пожал плечами. Он понятия не имел, насколько ценно розовое масло, чтобы им могла пользоваться санитарка.

- Что еще?

- Еще она где-то загорела, довольно прилично, и загар этот недавний. Либо она отдыхала где-то на пляже, поскольку загар равномерный, не такой, какой бывает, когда человек трудится у себя в огороде, пропалывая грядки, и его нещадно палит солнце... Либо - в солярии, что при ее-то доходах тоже невозможно. В целом же девушка была вполне здорова. Половых контактов у нее перед смертью не было. Остальное ты получишь в понедельник...

- Спасибо, Боря.

Марк позвонил Рите. Спросил про розовое масло.

– Знаешь, Марк, масло есть разное, дешевое, типа спиртового концентрата, которое в сувенирных лавках Болгарии выдают за натуральное розовое масло, а бывает и дорогое, настоящее, из долины Казанлык, оно и стоит дорого, и держится на коже долго... А что случилось? Почему тебя интересует розовое масло?

– Как ты думаешь, больничная санитарка в состоянии купить себе натуральное, как говорит Борис, розовое масло и вся облиться им с головы до ног?

– Знаешь, Марк, такие девушки предпочитают делать это чужим маслом. Предположим, она оказалась у кого-то в гостях, где и вылила на себя целый пузырек. Нет, санитарка не станет покупать себе такое драгоценное масло. К тому же его еще надо найти. Ты приготовил для меня не менее драгоценную папку с делом Татарина?

– Да, Лева отправил ее мне с одним человеком, с минуты на минуту его должны принести.

– Так я подъеду?

– Да, приезжай. Я же знаю, на этой папке ты не остановишься, ты наверняка приготовила мне еще кучу поручений...

– Разумеется. Пожалуйста, напряги своих людей, пусть они выяснят, нет ли в вашей базе данных человека по имени Захаров Виктор Викторович, 1961 года рождения, проживающего по адресу...

В кабинет постучали. Марк отключил Риту.

– Войдите.

Вошла женщина средних лет в темном шелковом платье. Он видел уже это платье, а вот лица женщины не мог припомнить.

– Здравствуйте. Я соседка Маши Ивановой... Вы были в нашем подъезде, и ваши люди опрашивали нас, соседей, о ней. Знаете, я как-то растерялась, к тому же подумала, что если начну рассказывать, что я о ней знаю, то другие люди

услышат... Не люблю выпячиваться, стесняюсь... Да и вообще я человек впечатлительный, и смерть Маши потрясла меня.

– Как вас зовут?

– Никифорова Людмила Борисовна. Я живу буквально через стенку от Маши. Мы с ней мало общались, исключительно по-соседски: занимали друг у друга соль или сахар... Здоровались, конечно. Разговаривали, но редко. Она была девушкой не очень-то общительной, жила своей жизнью. Мужчин к себе не водила, во всяком случае, я не видела. У меня сестра в феврале лежала в той же городской больнице, где работала Маша, там-то я и разговорилась с ней как-то раз, узнала, где она работает, поняла, что девушка бедствует. Я, как и она, живу одна, но у меня пенсия и сын помогает. Словом, мне было совсем несложно подкармливать ее. Знаете, когда печешь пироги, то их получается всегда как-то очень много, ну вот я и угощала Машеньку. Варенья давала, соленья...

Марк слушал не перебивая. Понимал, что женщина пришла сюда, в прокуратуру, нашла его совсем не для того, чтобы рассказывать, какими пирожками и помидорами она угощала погибшую.

– Знаете, она не так давно куда-то уезжала. Приблизительно дней на десять, точно сказать не могу. Даже не уезжала, а улетала, поскольку за ней приехало такси, и я слышала, как она сказала – в аэропорт!

Марк и на этот раз промолчал, хотя оценил поступок соседки, решившейся на эту встречу и тратившей сейчас на него свое время и нервы. Видно было, что женщина на самом деле неразговорчивая и зажатая.

– Я, сами понимаете, очень удивилась. И как тут не удивиться, когда знаешь, что человек бедствует, недоедает, а тут вдруг – в аэропорт! Вернулась она, говорю, дней через десять, довольная, с какой-то странной улыбкой. Я подумала еще тогда, что она, может, парня встретила, к которому или с которым куда-то летала. Но спросить ее я постеснялась. Она и выглядела счастливой, отдохнувшей и загорелой. Но мужчины рядом с ней я не видела. Подумала еще, что Маша стесняется своей квартиры, может, потому и не приглашает к себе.

– Скажите, Людмила Борисовна, к ней что, вообще никто никогда не приходил?

– Да я, собственно, потому и пришла, чтобы рассказать, что видела недавно на лестничной площадке перед дверью Маши одну молодую женщину. В белом костюме, в больших темных очках. Когда она увидела меня, то сразу отвернулась, так что ее лица я не рассмотрела. Запомнила только ее фигуру – ну просто точеная, тоненькая талия такая... И туфли на каблуках, блестящие такие туфли, очень красивые. Подумала еще тогда, что общего может быть у нашей Маши с этой красоткой? Уж больно они разные.

– Сколько раз вы ее видели?

– Один.

– Когда?

– Кажется, позавчера. Почти сразу после того, как увидела Машу.

– То есть получается, что Маша откуда-то вернулась и к ней сразу же пришла эта дама в белом костюме, так?

– Да. Так.

– Маша ей открыла дверь?

– В том-то и дело, что нет. Женщина постояла, позвонила и ушла. Я хоть и нелюбопытная, но все равно, после того как лифт уехал, выглянула – никого нет, только запах духов в подъезде...

– Какие духи? – спросил Марк и тут же пожалел о своем глупом вопросе. – Извините, я хотел спросить, может, пахло какими-то определенными духами... ну, я не знаю... с цитрусовым ароматом или духи были тяжелые...

Конечно, он хотел услышать, что от этой дамы пахло розой.

– Духи хорошие, крепкие, но у меня таких никогда не было, поэтому я не знаю... А вот от Маши пахло розой, это я точно помню. Подумала тогда, когда впервые после ее долгого отсутствия увидела, что она помылась розовым мылом. Ну и в связи с этим снова предположила, что деньги у нее на все это – на поездку, на

мыло или духи, я не знаю – от ее молодого человека. Откуда еще?

– Как вы думаете, Людмила Борисовна, могла Маша сама выброститься из окна?

– Нет. Не могла, – поджала губы свидетельница. – Она не из таких.

– Каких?

– Знаете, есть люди, как бы это выразиться, – без кожи. Очень чувствительные, нервные, впечатлительные. Маша была не из таких. Она была грубовата. Еще в ней было одно качество, оно ее, конечно, не красило... Цинизм. Возможно, она стала такой циничной и толстокожей у себя на работе, где ей приходилось делать самую грязную, противную работу. Просто когда я навещала свою сестру в больнице, то видела там Машу, видела, с каким видом она выносит судно из соседней палаты. Я понимаю, это неприятная процедура, работать санитаркой трудно, не всякий выдержит... Так вот, у Маши в тот момент было такое холодное, непроницаемое лицо, словно она и не видела это судно и вообще была не в больнице, а в другом месте, и что ее отделяет от реального мира со всей этой вонью и страшными картинками больных и умирающих людей стеклянный колпак. Она была в этот момент где-то далеко. Думаю, что она и к умирающим пациентам относилась вот так же, без эмоций. Но я не могу ее судить за это, каждая работа налагает отпечаток на человека. Маша не стала исключением.

– Пусть вы ее недостаточно знали, чтобы судить о мотиве ее поступка... И все же, Людмила Борисовна: что могло подтолкнуть ее к этому? Ведь она была совсем молода.

– А я вам о чем говорю? Такие толстокожие, как она, сами не уходят на тот свет. Им помогают. Я долго думала обо всем этом, и знаете, к какому выводу пришла?

– ???

– Что она связалась с каким-нибудь преступником, вот. С денежным парнем, который оказался бандитом, а то и вовсе киллером. Предположим, повез он ее с собой куда-нибудь на курорт, в Сочи или Геленджик, там сделал свое черное дело, а Машу нашу потом и убил, просто как свидетельницу. Этим людям ничего не стоит лишиться человека жизни. Прокатился с девчонкой, наобещал золотые горы, а сам пришел и выбросил ее из окна. Вот и вся история.

После ухода Никифоровой Марк некоторое время сидел в раздумье. Сначала ее показания воспринимались им с благодарностью, а потом, когда она заговорила о возможном киллере, появившемся в жизни Ивановой, как-то сразу поостыл ко всему сказанному. Хотя, безусловно, он узнал много полезного о последнем месяце жизни Маши Ивановой.

– Лева, зайди, – он позвонил своему помощнику. И когда тот появился, сказал:

– Значит, так, выясни, когда точно и куда летала Иванова приблизительно две недели назад. И, разумеется, с кем, это важно. Дальше – поезжай в городскую больницу, где она работала санитаркой, постарайся выяснить, не было ли среди персонала подруг, с кем она могла бы поделиться, рассказать о своей личной жизни, о том, куда ездила-летала, с кем познакомилась. И еще. Только не удивляйся. Принюхайся ко всем тем, кто окружал на работе Иванову. И если от кого-нибудь пахнет розой, выясни об этой женщине все, что можно.

– Не понял.

– Боря сказал, что кожа Ивановой просто пропитана розовым маслом. Возможно, Маша была у кого-то в гостях и вылила на себя целый пузырек розового масла. Вот и выясни, у кого она могла быть в гостях. Учтывая ее необщительный характер, замкнутость, она могла быть в гостях только у близкой подруги. Да, и вот еще что: пробей по базе Захарова Виктора Викторовича, это уже тебе привет от Риты...

Лева ушел, а через несколько минут Марку принесли тонкую картонную папку – дело Татаринова. Чувство тревоги и нависшей над Ритой опасности шевельнулось в нем, как это бывало всегда, когда он понимал, что она снова ввязалась в какую-то авантюру, когда вместо того, чтоб рисовать цветы, ищет преступника. Правда, на этот раз, похоже, она и сама не знает, чего хочет. И уж тем более не знает, кого ищет. Андрей Татаринов избил до смерти Колосова Виталия... Он успел прочесть всего лишь одну страницу из дела, как пришла Рита.

Белое платье в красных маках. Золотые кудри обрамляют бледное тонкое лицо. А глаза, потемневшие, как растопленный шоколад, смотрят на Марка с

надеждой.

– Ну что, принесли тебе дело? – спросила она, прямоком направляясь к нему, и вместо того чтобы поцеловать его, пользуясь моментом, пока они одни в кабинете, схватила со стола папку и тотчас, сияя, прижала к груди. – Я люблю тебя, Марк!!!

– Будь осторожна, Рита. Пожалуйста.

– Что у тебя за дело? Интересное? – спросила она, проигнорировав его предостережения.

– Девушка, санитарка из городской больницы, выбросилась из окна.

– Убийство? – предположила она. – Ей кто-то помог?

– Это я как раз и собираюсь выяснить.

– Может, тебе нужна моя помощь?

– Ты неисправима. Умоляю тебя, Рита, будь осторожна. Я был бы более спокоен, если бы ты держала меня в курсе своих дел.

– Но ведь ты же брезгуешь заниматься делом танцовщицы? Тебе кажется, что она врет и что ее парень действительно убил Колосова... Хотя какое это сейчас имеет значение.

– Ничем я не брезгую... Рита, пожалуйста, смени тон. Неужели ты не видишь, что я на самом деле переживаю за тебя...

– Ну тогда помоги! Выясни, кто такой этот Захаров, которому Андрей незадолго до того, как на него повесили убийство Колосова, продал квартиру. Постарайся побыстрее выяснить его личность. А вдруг дело как раз в квартире? Или в деньгах?

– Я уже попросил Леву заняться этим.

– Ладно, Марк, не хмурься. Тебе это не идет. И вообще, может, ты сделаешь паузу и мы с тобой где-нибудь пообедаем?

Раздался звонок, Марк взял телефон:

– Да, Лева... Слушаю тебя... Ах вон оно что... Ну что ж, теперь хотя бы понятно, откуда взялось это масло... Хорошо, отправляй. А что там с Захаровым? Понятно, жду.

Марк открыл почту, щелкал по клавишам быстро и молча. Рита наблюдала за ним. Он, конечно, не мог знать в ту минуту, что его жена следит за ним, за каждым его движением, и любит его. И что ей доставляет удовольствие находиться рядом с ним не только в качестве жены, но и в качестве почти его коллеги, заниматься не менее важным делом, чем он.

– Ну Лева, молодец! Оказывается, – говорил он, сосредоточенно глядя на экран компьютера, – наша уборщица, погибшая Мария Иванова, такая вся бедная из себя особа, которую соседка подкармливала пирогами, две недели назад летала в Варну!

– В Болгарию?

– Вот откуда это розовое масло... А это, смотри, – он повернул монитор, чтобы Рита могла увидеть экран, – список пассажиров, с которыми она летела в одном самолете! Насколько я понимаю, она сидела возле окна, а рядом с ней... Рита, ты видишь?

– Колосов Виталий Владимирович... Вот это да! Марк, этого не может быть!

– Может, это какой-нибудь другой Колосов Виталий Владимирович, надо проверить. Подожди, я сейчас позвоню Валере Кречетову, помнишь его? Ну, такой кудрявый, смешной, он у нас когда был, съел целых пять кусков «Наполеона»...

– Марк!

– Да нет, мне не жалко, просто я переживал, как бы ему плохо не стало... Сейчас, Рита... Алло? Валера? Это Марк. Послушай, мне надо выяснить, когда, каким рейсом вернулись из Болгарии Иванова Мария и Колосов Виталий, записывай рейс, которым они летели в Варну...

– Марк, ты забыл, что я еще здесь? – обиженным тоном спросила Рита.

– Я же занимаюсь, можно сказать, твоим делом!

– Марк... Ладно, это я так... Красивое у меня платье? – Она подошла и обняла мужа. – Знаешь, мне иногда так не хватает тебя. Ты где-то с кем-то бываешь, живешь своей жизнью...

– Рита!

– Ладно, Марк. Вот что еще: как бы мне раздобыть телефоны Татарина и Колосова, а еще – ключи?! Я должна, понимаешь, должна побывать у Колосова дома и понять, кем был этот человек, как жил, чем занимался... Поможешь?

– Ну, поскольку этот Колосов проявился и в деле Марии Ивановой, то, конечно, помогу. Но ты должна действовать очень, ты слышишь, очень осторожно.

8

Мила, открывшись подруге, облегчения не испытала, наоборот. Вся неотвратимость ее беды, то глубокое несчастье, в котором она, как в зловонном болоте, жила последнее время, накрыли ее с головой, она начала задыхаться.

– Ну-ну, успокойся, возьми себя в руки, – ошарашенная, Валя, обняв подругу и прижав к себе, как маленькую, гладила ее по голове. – Нельзя так. Думаю, что выход есть. Да и вообще наплевать тебе на этого Романа! Ну и черт с ним! Почему это ты должна отвечать за какие-то его поступки? Ты что, на самом деле думаешь, что его могут убить? Так пойдешь в полицию, расскажи им все! Где это видано, чтобы тебя насиловали каждый день, а ты терпела!

Чувствовалось, что Валентина сдерживается, что эмоции переполняют ее и что с языка готовы сорваться такие слова, которые, вместо того чтобы как-то успокоить Милу или дать другое, спасительное направление ее мыслям, добьют ее: «Чем ты думала, когда первый раз позволила изнасиловать себя? Ты что, с ума сошла? Да ты идиотка совсем! И зачем тебе Роман, эта подлая тварь, которая продала-отдала тебя на растерзание чужому мужику?!»

Валентина, успокаивая подругу и лихорадочно соображая, чем и как можно помочь Миле, испытывала постыдное чувство сладкой радости от того, что весь этот кошмар происходит с Милой, а не с ней, и что ей, Валентине, надо благодарить бога за то, что с ней-то все в порядке, что ее проблемы – сущий пустяк по сравнению с гигантскими и трагичными проблемами подруги.

Мало того что жених поступил с ней подло, расплатившись ею с бандитом Геннадием, так теперь неизвестно, как от этого Геннадия избавиться, спастись! Ведь если он угрожает Миле расправой с Романом, то не значит ли это, что он готов точно так же поступить и с Милой?! Возможно, первое чувство, охватившее Милу, когда она узнала, что Романа могут убить, если она откажет Геннадию, и было искренним, направленным на спасение Романа, то сейчас, и Валентина не могла этого не чувствовать, Мила реально боялась уже за свою собственную жизнь.

– Послушай, тебе надо обратиться в полицию, прокуратуру, я не знаю... Ты же не можешь и дальше уступать ему!

– Я боюсь. А вдруг у него и там связи, и меня никто не послушает, больше того, когда я выйду из полиции, меня застрелят, – рыдала на плече Валентины Мила. – Я вообще не понимаю, как я могла влипнуть в этот кошмар!

– Так, тебе нужно успокоиться, привести в порядок мысли и чувства. Первое, иди умойся, потом вернешься, и мы поговорим.

Пока Мила приводила себя в порядок в ванной комнате, Валентина заварила чай. На какое-то мгновение она представила себя на месте Милы, и к горлу

подкатила тошнота. Чужой мужик, насильник, от которого никуда не спрятаться... Эта потная волосатая глыба (именно таким представляла она себе мерзкого Геннадия) с запахом прокисшего теста... Она и сама не могла себе объяснить, почему он, мужчина, которого она никогда не видела, вызывал в ней такие вот определенные и весьма стойкие ассоциации. Ну уж нет, она никогда не позволила бы никому прикоснуться к себе. Даже под страхом смерти всех ее любовников и женихов. Дудки!

Когда Мила, вытирающая на ходу полотенцем опухшее от слез лицо, вернулась в кухню, где ее уже поджидал горячий сладкий чай, у Вали был готов план.

– Я все придумала! Мой план – просто блеск! Как жаль, что ты не позвонила мне раньше, ничего не рассказала... Боже, подружка, сколько же тебе всего пришлось вынести! Значит, так... Ты пей, пей чай, он сладкий, а тебе сейчас просто необходимы силы, глюкоза... Мила, слушай меня внимательно и не говори, что не слышала. Ты должна обвинить его в изнасиловании! И я помогу тебе!

– Как? Что мы можем сделать?

– Конечно, план сложный, трудный для тебя, потому что тебе надо будет еще немного потерпеть...

Мила все поняла. Сразу. В сущности, что она теряет, если еще раз впустил в свою квартиру Геннадия?.. Зато после все изменится, и ее наконец-то оставят в покое.

– Но что я скажу в полиции? Как объясню, что сама впустила Геннадия? Что открыла ему дверь?

– Делать нечего – придется использовать в своих целях твоего Романа. Скажешь, что позвонили и сказали, что пришли от Романа. Расскажешь все как есть... Что была напугана, что боялась, что Романа убьют. А ты как думала? Роман, сам того не ведая, сам того не желая, поможет тебе, и ты одновременно отомстишь ему. Уверена, что он не сможет доказать, что незнаком с Геннадием, в ходе

следствия непременно всплывут подробности их отношений, какие-то принципиальные рычаги – долги или что-то еще, с помощью которых этот Геннадий и сделал тебя своей рабыней, наложницей! И потом, когда вы все трое будете уже находиться под так называемым контролем полиции, в поле ее зрения, Роман уж точно окажется в безопасности, поскольку ты в своем заявлении напишешь об угрозах Геннадия в адрес Романа. Кроме того, ты избавишься от Геннадия и накажешь его и самого Романа. Тоже мне, жених, мать его, который так подставил тебя, смешал с грязью!!! Да если хочешь знать мое мнение, именно Роман виноват в том, что с тобой произошло. Он должен был сам выпутываться из своих передраг, а не продавать тебя взамен на их решение.

– Послушай, я боюсь...

– А ты не бойся. Ты же понимаешь, что Геннадий все равно не отступится от тебя. К тому же он не знает о том, что мы с тобой придумали. Он уже успел понять, что ты – человек слабый, запуганный, а потому с тобой можно делать все, что захочется. Уверен он и в том, что ты не обратишься в полицию, поскольку думает, что ты все еще продолжаешь любить Романа, а потому не допустишь, чтобы его убили...

– Но в полиции мне могут не поверить! Если этот Геннадий настоящий преступник и подлец, то станет защищаться, скажет, что я вообще шлюха или его, скажем, бывшая любовница, которая захотела его наказать. Или же что у меня бизнес такой – разводить мужиков на бабки. Словом, он переведет все стрелки на меня, опорочит, наговорит много чего, попытается смешать меня с грязью...

– А ты не думай об этом. Вот просто не думай и все. Абстрагируйся. Он придет к тебе сегодня, начнет приставать...

– Мягко сказано!

– Ну, ты поняла... И вот когда все произойдет, и он отправится в ванную, ты его запри там и вызывай полицию, сразу же, поняла! Я уверена, что искусственно слезы тебе вызывать не придется, ты и так будешь реветь как белуга и вид у тебя будет несчастный и растерзанный. Поверь мне, мошенницы, зарабатывающие себе на жизнь тем, что разыгрывают целые спектакли с

изнасилованием, переигрывают. Необязательно рвать на себе одежду... Именно твой несчастный вид, запертый в ванной мужик плюс результаты экспертизы сделают свое дело, и Геннадий окажется за решеткой!

- Но как я объясню, зачем открыла ему дверь?..

- Да все очень просто. Скажешь, что пришел человек, сказал, что он от Романа. Набросился на тебя, сказал, что Роман проиграл тебя, что ты не поняла, каким именно образом, скажи, что Роман вроде бы не играет в карты... Словом, будто бы Геннадий сказал о том, что твой жених Роман расплатился тобой... А уж в полиции пусть сами разбираются, каким образом Роман задолжал этому Геннадию...

- Значит, я не должна раздеваться... Иначе все это будет выглядеть неправдоподобно...

- Конечно, не раздевайся... Мне кажется, Мила, я знаю человека, который может нам помочь... Правда, я с ним незнакома, но читала о нем... Очень хочется верить, что статья была не заказная и что этот человек не продается... Мне надо только найти эту газету и вспомнить его фамилию... Что-то связано с цветами, дачей...

- Господи, Валя, как же мне страшно...

9

Вот уже два дня Сима жила в чужой квартире и при этом чувствовала себя почти счастливой. Понятное дело, что, когда звонили в дверь, ей было страшно по-настоящему. Но никто ведь не пытался открыть дверь, а это означало, что ни у кого нет ключей от квартиры Валерии Бариновой. И в полицию никто, стало быть, не обращался, чтобы выяснить, где она, что с ней и почему она не открывает дверь.

Российский паспорт, который Сима тщательно изучила, ответил ей сразу на несколько вопросов: возраст и адрес владелицы, к тому же в толстой кожаной

обложке ее ждал сюрприз – втиснутый в тесное отделение и загранпаспорт на имя Валерии Бариновой, на одной странице которого была печать болгарских таможенников с указанной на ней датой прилета в аэропорт Варны – 2 июля этого года. Получалось, что Валерия Баринова много дней назад отправилась в Болгарию, но вот назад, судя опять же по паспорту, не вернулась. С одной стороны, было хотя бы ясно, почему квартира выглядит нежилой и почему в ее дверь звонят подолгу, в надежде, что она, возможно, уже прилетела домой. Однако виза была датирована концом августа, в этом случае предполагалось, что девушка могла при желании оставаться в Болгарии еще месяц-полтора. Значит ли это, что близкие Бариновой, друзья в курсе ее визы и начнут бить тревогу по поводу ее невозвращения лишь в конце августа? Похоже на то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/chernyy-pasodobl

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)